

предъ моимъ гробомъ плакальщики постоянно ревѣли необыкновенно громко; а монахи, углубившись въ свои книги, самыми гнусливыми голосами прославляя какіе-то неземные и заморскіе чудеса и добродѣтели, и прочій вздоръ, очень ловко все прилаживали къ чести и къ достоинствамъ моего трупa. Мнѣ, то есть моему трупу, конечно очень льстили горячія слезы скорби и восхваленія о пройденной мной жизни; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня бѣсилъ необычайно оглушительный шумъ слишкомъ ревностной наемщины. Но съ того момента, какъ мой духъ разстался съ тѣломъ, я понялъ всю суть заботъ моего возлюбленнаго дѣтища. Да, тамъ на всѣхъ окраинахъ вселенной, на всѣхъ небесахъ были услышаны и оцѣнены ревъ и вой моленія; благодаря имъ обо мнѣ уже знали всѣ неземные владыки. Каждый изъ нихъ радовался, что въ его ареопагъ вскорѣ будетъ представленъ новый кандидатъ, въ вѣчную память о которомъ на землѣ будутъ такъ славно отличаться щедростію для существованія ихъ монаховъ.

Такъ какъ на моихъ похоронахъ въ первой очереди были буддійскіе монахи, то, должно быть, согласно взаимнымъ договорамъ, существующимъ между неземными владыками, мой духъ вознесся на облакахъ въ резиденцію «Фоѣ» (Будды), въ его индійскіе чертоги. Въ пути я пострадалъ, была изморозь и сырость; я пожалѣлъ не разъ, что мой сынъ не запасъ въ мой гробъ мѣхового халата. Хотя въ названной резиденціи меня приняли ласково, но, за всѣмъ тѣмъ, я предчувствовалъ, что предстоитъ житье плохое. Увы, меня, чиновника-то, заставили подметать трапезную келью «Фоѣ», заставили задалбливать буддійскіе каноны, преклоняться предъ каждымъ оборвышемъ монахомъ, об-

съ давняго времени, со 2-го столѣтія по Р. Х., когда въ странѣ водворился буддизмъ, китайцы начали благочестивымъ совершать буддійскія панихиды; а потомъ, мало-помалу, тоже стали присоединять панихиды и похоронные проводы монахами всѣхъ религій, извѣстныхъ въ Китаѣ. Въ прошломъ столѣтіи, въ славныя времена водворенія въ имперію іезуитовъ, и они тоже принимали дѣятельное участіе на панихидѣхъ некрещенныхъ китайцевъ и на похоронныхъ ихъ проводахъ до могилы, съ крестомъ и съ церковными хоругвями. Этотъ обычай,—за исключеніемъ христіанскихъ монаховъ,—и понынѣ соблюдается въ богатыхъ семействахъ, и даже при дворѣ богдыхана. Ко двору тоже призываются монахи разныхъ религій, для совершенія молебныхъ обизавленія страны отъ народныхъ бѣдствій и проч. Чтобы уяснить себѣ такую аномалію, всего прежде должно принять ко вниманію, что китайцы ровно ничего не понимаютъ о духовномъ значеніи религій. И, не смысла ученія ни одной религіи и будучи чрезвычайно суевѣрными, онѣ льстятся всякими шумными отпѣваніями и торжественными похоронными проводами, вѣроятно по пословицѣ «audacem fortuna juvat» загадывая, что такое усердіе, пожалуй, и освободитъ похороненнаго отъ загроможденія мученій.